

Пруды давно зацвели. Лето было в разгаре.
Сонный пастух гнал стадо тучных коров.
Трактор гудел. Слышался запах гари
от пылавших в округе костров.

Каникулы в школах. На босу ногу и полу-
раздетыми, с хлебом, что редко когда был черств,
дети почти целый месяц уже не ходили в школу,
до которой несколько верст.

Далеко в городах пыхтели трубы заводов –
попыхтеть приходилось, чтоб выполнить план.
Над шестой частью суши, над головами народов
в небе беззвучно пролетал аэроплан.

Бойкий австриец – он был председатель колхоза –
выдумал строить мельницу, чтобы молоть зерно.
Колхозник несмело твердил, точно под силой гипноза,
что ученье всесильно, ибо оно верно.

Жизнь шла своим чередом. Рождалось тихо веселье
в душах трудящихся, благо что был выходной.
Вдоль деревенских хат тянулось то воскресенье,
долго тянулось и долго стояло стеной.

Дождь не кончался. Втыкая лопаты в сырое,
солдаты рыли землянку, думая, что каждому из нас
уготовано заранее свое двадцать второе
июня, свое воскресенье и свой же закатный час.